

ОТЗЫВ

официального оппонента Орлова Александра Анатольевича о диссертации Постниковой Алёны Александровны «Русская кампания Наполеона: история "европейского мифа"», представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 Всеобщая история.

Докторская диссертация А.А. Постниковой посвящена выявлению особенностей формирования образа Отечественной войны 1812 года (во французских источниках – Русской кампании Наполеона I) в европейских мемориальных практиках XIX и XX вв. Как справедливо указывает автор во Введении к диссертации, «претерпев моменты "забвения" и "вспоминания" в памяти европейцев, сегодня, в связи с недавно отгремевшими юбилеями событий Первой империи, эта война стала объектом особенно пристального внимания и предметом оживленных дискуссий. В сущности, юбилейные мероприятия только оживили в сознании европейских наций давно уже сконструированные мифы, став своеобразным индикатором живучести национальных традиций и показав одновременно всю сложность, а иногда и невозможность достижения научного и общественного компромисса» (с. 4).

Автор логично посвящает первую часть своего диссертационного исследования «...анализу интерпретации событий кампании в личной переписке, дневниках и мемуарах солдат Великой армии» (с. 5). Вторая часть её работы нацелена на масштабный анализ двухсотлетней истории формирования исторической памяти европейцев о походе 1812 года. Обосновывая свою позицию, А.А. Постникова пишет: «Мы акцентировали внимание на сложившихся национальных традициях: французской, британской, немецкой, польской и швейцарской. Что касается отечественной исторической памяти о войне 1812 г., то её особенности уже достаточно полно нашли отражение во многих исследованиях, согласно которым российскую традицию отличает доминирование методов

исторической политики и явный акцент на памяти-победе» (с. 5-6). Дополнительную актуальность диссертации придаёт то обстоятельство, что конкретный исторический материал осмыслен автором с помощью многообразных, как традиционных, так и новаторских, методологических принципов (с. 11-18), позволяющих рассмотреть заявленную проблему с разных сторон. Особо следует обратить внимание на то, что в контексте диссертационного исследования А.А. Постниковой понятие «историческая травма» используется для противопоставления образу «победы-триумфа» с целью более глубокого анализа механизмов «преодоления прошлого» (с. 14).

Структура диссертационного исследования логична и продумана. Оформление диссертации соответствует общепринятым стандартам написания научно-исследовательских работ. Автором чётко сформулированы цель и задачи диссертации, определена её методологическая основа. Выбор соискателем темы, объекта и предмета исследования представляется научно обоснованным.

С удовлетворением следует отметить, что каждый параграф и каждая глава диссертации содержат чёткие обобщающие выводы, позволяющие уяснить позицию автора по ключевым проблемам исследования.

Поставленные диссертантом цель и задачи были решены на основании изученного объёмного комплекса документальных материалов (как опубликованных, так и архивных из фондов трёх российских и трёх иностранных архивов), произведений изобразительного искусства и кинематографии, а также многочисленных трудов, созданных представителями отечественной и зарубежной исторической науки. Источниковая база диссертационного исследования основана, главным образом, на документах иностранного происхождения. Разные оттенки политики «исторической памяти» автору удалось уловить, изучая периодическую печать, визуальные источники и кинофильмы. В целом, представленный комплекс источников, многие из которых впервые

вводятся в научный оборот, отражает истоки и дальнейший процесс трансформации европейских мемориальных практик о Русской кампании 1812 г. Это позволило подробно и объективно исследовать заявленную тему диссертации.

На современном этапе развития исторической науки имеется достаточно возможностей для углублённого изучения сложных и неоднозначно характеризующих исторических явлений и процессов, что связано, прежде всего, с расширением документальной базы и использованием современных методов исследований на объективной основе. А.А. Постникова сумела воспользоваться этими возможностями и подготовила ценное научно-значимое исследование. Она использовала все существующие на данный момент опубликованные и неопубликованные исторические источники по теме диссертации. Диссертационное исследование находится на стыке разных методологических подходов: военно-исторической антропологии и исторической памяти, что обеспечило более глубокий анализ коммеморативных процессов. Обоснованность результатов, полученных соискателем, базируется на использовании общенаучных и специальных методов исторического познания.

Обращаю внимание на то, что автором исследования проведён комплексный анализ процесса формирования исторической памяти европейцев о Русской кампании Наполеона, выявлены особенности трансформации индивидуальной памяти в социальный и государственный нарратив европейских наций, предложены «идеальные модели» трансформации исторической памяти о Русской кампании 1812 г., а также даны методологические рекомендации применительно к исследованию данной эпохи. В диссертации впервые отмечены отличия в интерпретации событий войны в письмах, дневниках участников и выявлены особенности дальнейшего формирования образов войны, созданных на страницах мемуаров солдат Великой армии. Таким образом, создано первое в

отечественной историографии комплексное исследование по исторической памяти европейцев о войне 1812 года.

Не вызывает сомнения научная новизна выводов и результатов диссертации А.А. Постниковой, полученных в ходе исследования. Они суммированы в 18-ти тезисах (см. с. 29-32). Важнейшими из положений, выносимых на защиту, на наш взгляд, являются следующие (№ 9, 14-18):

Противостояние разных акторов памяти на протяжении двух столетий применительно к образу войны оказалось характерным только для французского нарратива, что было вызвано неоднозначностью результатов кампании для Великой армии, предопределив тем самым формирование многовекторной памяти. Иные национальные традиции развивались в границах единого нарратива. Так, немцы и итальянцы, со временем утратив эмоциональную связь с историей событий 1812 г., стали представлять эту войну исключительно как трагедию. В свою очередь, у поляков и швейцарцев, для которых образ Наполеона на протяжении двух столетий являлся важным элементом процесса формирования национальной идентичности, оказался сконструированным единый героический нарратив (с. 30).

Сохранение эмоциональной составляющей, регулярное воспроизведение национальной традиции способствует формированию коммуникативной, «ритуальной» памяти о прошлом. Подобные коммеморативные практики продемонстрировали французская, швейцарская и польская версии событий. В свою очередь, немецкая, итальянская и британская траектории памяти, утратив связь с национальной традицией, «переформатировались» в историографические версии прошлого.

Очевидно, что устойчивость национальных моделей прошлого определяется естественным процессом трансформации в пространстве исторической памяти и регулярным воспроизведением мемориальных практик. Как правило, эти тенденции связаны с образом героического

прошлого или трагедии, которая на протяжении многих лет становилась объектом дискуссий и процесса «преодоления прошлого».

Образы прошлого в разных национальных традициях подчинялись своим собственным, особым механизмам трансформации, что, по убеждению автора диссертации, исключает возможность использования какого-либо универсального методологического инструментария.

Исследование подтвердило существование таких черт «идеальной модели» трансформации памяти, которые выявила в своих исследованиях немецкий историк и культуролог Алейда Ассман. Они сводятся к двум моментам – к естественному процессу формирования образа прошлого и к отсутствию чёткого противостояния истории и памяти. В соответствии с этой концепцией выделены три идеальных варианта коммеморативных практик, которые соотносятся с французской, швейцарской и польской традициями.

Очевидно, что конкретный исторический материал (но не умозрительные, оторванные от исторической почвы умозаключения) и должен с неизбежностью определять методологические подходы исследователя в плане постижения прошлого и образов его отражения в коммеморативных практиках.

Вполне обоснованны и конечные выводы соискателя. Безусловно, важен вывод, сделанный на основе исследования архивных и опубликованных источников, о том, что «...сфера французской мемуаристики и политическое пространство, воздействуя друг на друга, создавали востребованные тем или иным временем представления о войне. В сущности, именно противоречивость хода и результатов русской кампании способствовали актуализации памяти о ней при всех существовавших в течение двух столетий режимах. Образы войны 1812 г. оказались вне исторической политики; они скорее находились в центре политики памяти, акторами которой были общественные, но не государственные структуры, что во многом и обеспечило естественный

процесс трансформации представлений о кампании в сознании французской нации» (с. 369).

Не вызывает возражений и конечный ёмкий вывод диссертанта, которая резюмирует: «...исследование двухсотлетней трансформации памяти о войне 1812 г. показало невозможность безусловного принятия идеи [французского историка П.] Нора о противопоставлении истории и памяти, поскольку применительно к французской, польской и швейцарской традициям именно воспоминания участников событий и определили последующую траекторию коммеморативных процессов. Вместе с тем, мы убедились и в том, что для немцев, итальянцев и британцев русская кампания в результате реформатирования мемориальных практик превратилась в такое "место памяти", которое утратило связь с интерпретациями очевидцев событий» (с. 373-374).

Высоко оценивая в целом положительные результаты работы А.А. Постниковой, считаю необходимым высказать ряд замечаний и пожеланий, которые, надеюсь, пригодятся в её дальнейшей исследовательской деятельности.

Первое. В § 1 главы 2 («От Немана до Смоленска: начало русской кампании в представлении солдат Великой армии Наполеона») примеры восприятия французскими солдатами и офицерами важных событий эпохи 1812 г., взятые из их мемуаров или переписки, иногда, образно говоря, бьют мимо цели, не подтверждая постулаты автора. Например, говоря о различных мотивациях французских военных перед началом кампании 1812 г., автор на с. 62 приводит цитату из дневника полковника Л.Ж. Мажу о том, что 7 апреля 1812 г., перед выходом из Парижа, тот посмотрел спектакль «Мещанин во дворянстве» и остался недоволен игрой известного актёра Ф.Ж. Тальма. Непонятно, как именно эта цитата может характеризовать настрой офицера на войну с Россией? Другой пример. На с. 67 цитируется отрывок из дневника старшего адъютанта 3-го батальона 3-го линейного полка Л. Гардые. Автор диссертации утверждает, что он «...в ярких образах

описал в дневнике своё знакомство с польской культурой...», но в качестве примера приводит слова Гардье о плохих местных напитках, предпочтении им французского вина, удивлении при виде «азиатских костюмов евреев» и богатых домов польской знати, всего лишь с упоминанием в двух словах о том, что французы знакомы и с состоянием местной торговли и с университетами. Это примеры можно продолжать. Краткость цитат в тексте диссертации вступает в противоречие с обилием цитат в сносках, тем более, что они никак или в малой степени прокомментированы автором.

Второе. В заключение § 2 главы 2, рассказывающем о коллективных представлениях французских солдат, сложившихся в период их пребывания в оккупированной Москве, автор делает следующий вывод: «"сидение в Москве" серьёзно повлияло на закрепление представления об этой войне как о жестокой борьбе цивилизаций не только в умах чинов Великой армии, но и в целом всего западноевропейского общества» (с. 93). Это верно для последующего периода коммеморации, но в 1812 г. и в течение последующего примерно десятилетнего периода европейцы (противники Наполеона – немцы, англичане, шведы, испанцы, португальцы) оценивали пожар Москвы (и вообще всю кампанию 1812 г.) как великую искупительную жертву, принесённую русским народом на алтарь борьбы Европы против «корсиканского чудовища» и его полчищ. Об этом см., например, публикации источников и статьи: Корелин М.[С.] Новые данные о состоянии Москвы в 1812 году // Русская мысль, 1896. Кн. 10. С. 57-73 (паг. 2-я); Эрстрём Э.-Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород / Сост. Г.М. Коваленко и А.А. Кузнецов. Н.-Новгород, 2013; Россия – Португалия: XVIII – начало XX века. Т. I. 1722-1815. Сборник документов. М., 2007. С. 722-723; Partridge M. Slavonic Themes in English Poetry of the 19th Century // The Slavonic and East European Review, 1963. Vol. XLI, № 97. P. 420-441.

С этой точки зрения, невозможно принять утверждение автора (см. с. 352) о том, что в поэме лорда Дж.Г. Байрона «Бронзовый век» (1823 г.)

московский пожар явился «...примером проявления варварства русских». Это не соответствует действительности. Вспомним хотя бы такие строки поэмы: «Москва, Москва! Был грозен и жесток // Врагу тобой преподанный урок!..»

Третье. Параграф 3 главы 2 (нельзя не отметить, что здесь автор больше внимания уделяет межкультурной коммуникации оккупантов и местных жителей, нежели коммеморативным практикам) начинается со следующей установки: «В начальный период войны французы рассматривали Минск как некий "европейский город", часть Польши, которую они стремились освободить. В свою очередь, Смоленск представлялся им своеобразным "мостом" перехода из ареала "европейскости" в русское пространство и русскую действительность» (с. 94). В то же время, если обратиться к мемуарной литературе, можно найти примеры того, что французские солдаты воспринимали все оккупированные наполеоновскими войсками земли, в т.ч. и Смоленск, законной территорией Французской империи. Так, в частности, в мемуарах гр. М.Д. Бутурлина приводится рассказ участника Отечественной войны 1812 года кавалергарда гр. А.Н. Панина, который услышал от пленного француза слова о том, что тот недавно был отправлен на фронт из французского города «*De Smolensko, mon officier; j'espère bien que Smolensko est en France*»¹. Эта информация помогла бы усилить аргументацию автора о разнообразии особенностей коммеморативных практик солдат и офицеров Великой армии в 1812 г. Тем более, что на с. 168 автор пишет: «...почти во всех воспоминаниях [французских солдат] Смоленск стал одним из центральных сюжетов кампании [1812 г.]».

Четвёртое. Представляются стилистически неудачными употреблённые автором выражения «война памяти» (с. 196) и «слияние

¹ «Из Смоленска, г. офицер; конечно, Смоленск – во Франции». – Записки графа М.Д. Бутурлина. В 2-х т. Т. 1. М.: НП «Русская усадьба»; ИД «Любимая книга», 2006. С. 358. Гл. VII. 1832-1834 гг.

"памятей"» (с. 199). Лучше было бы в первом случае употребить выражение «войны памяти» или «война разных типов памяти».

Пятое. Говоря о «бонапартистских» устремлениях французского президента Н. Саркози (с. 244-247, 257-258), на наш взгляд, надо было упомянуть о том, что они могли быть вызваны не только политическими, но и личными, т.е. психологическими, обстоятельствами. Как известно, Саркози в детстве и юности, по его собственным словам, не чувствовал себя полноценным французом (его отец был венгром, а дед с материнской стороны – евреем), страдал от плохого материального положения и комплекса неполноценности. Тогда у автора появился бы и дополнительный аргумент для объяснения интереса Саркози к политике мультикультурализма, особенно в школьном образовании.

Шестое. На с. 331-332 сказано: «События в России в 1812 г. стали достоянием исторической памяти тех народов, которые приняли в них участие, но также и тех, которые издали пристально наблюдали за ходом русского похода Наполеона». Это сказано по отношению к памяти британцев о событиях войны 1812 г. В целом, это верное утверждение, но нельзя игнорировать тот факт, что некоторые британцы, в частности, знаменитый генерал Р.Т. Вильсон, были участниками и свидетелями основных событий кампании. Вильсон оставил ценные мемуары, большая часть которых уже переведена на русский язык².

Седьмое. На с. 358 говорится о выходе в свет мемуаров Каткарта о войне 1812 г.³ Но, поскольку в тексте не уточняется, что это был Джордж Каткарт – старший сын английского посла в России У. Шоу лорда Каткарта, который в качестве адъютанта сопровождал отца на полях сражений в 1812-

² Вильсон Р.-Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812-1813 года. Письма к разным лицам / Сост. С.Н. Искуль, Д.В. Соловьёв. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. – 307 с.; Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году / Научн. ред. С.Н. Искуль; пер. с англ. яз. Д.В. Соловьёва. М.: РОССПЭН, 2008. – 494 с.

³ Cathcart George. Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813. With plans and diagrams. L.: John Murray, 1850. – 383 p.

1813 г., может сложиться мнение, что автор диссертации имеет в виду самого посла.

Восьмое. В тексте диссертации встречаются фактические ошибки. На с. 38 упоминается о том, что «архитектор Холокоста» Адольф Эйхман был сотрудником гестапо. Это неверно. Эйхман был членом СС и сотрудником РСХА, но не гестапо, а отдела по организации эмиграции и выселения евреев.

На с. 214 говорится о том, что Э. Дрио был «историком того времени», т.е., надо полагать, времени Июльской монархии во Франции. Это не так. Эдуард Дрио (1864-1947) работал в конце XIX – первой половине XX вв., был основателем и первым президентом Института Наполеона (1932-1936 гг.) в Париже⁴. Сноска на его книгу «Египет и Европа» тоже дана неверно. Первый том этой книги был опубликован в 1930 г., а не в 1841 г., как указано на данной странице диссертации.

На с. 275 современная швейцарская певица Мара Кайзер (одна из исполнительниц популярной «Песни Березины») названа Марой Каузер.

На с. 285 упоминается «современный белорусский автор Г.Ю. Мазинг». Вряд ли можно называть доктора технических наук и писателя Георгия Юрьевича Мазинга современным автором, поскольку он умер в 1999 г.

На с. 335 министр иностранных дел Великобритании Роберт Стюарт лорд Каслри назван следующим образом – Р.Б. Каслри. На с. 341 русский посол в Лондоне гр. Х.А. Ливен назван Х.В. Ливеном. На с. 346 депутат-радикал Палаты общин английского парламента С. Уайтбред назван Витбредом.

На с. 353 английский художник-карикатурист Дж. Крукшэнк назван Дж. Крушинаком.

На с. 359 знаменитый английский государственный деятель, премьер-министр в 1894-1895 гг., Арчибальд Филип Примроуз, граф Розбери назван

⁴ О нём см., например: Ерофеев Н.[А.] Driault, Edouard. La question d'Orient 1918-1937 (La paix de la Méditerranée). Paris. 1938. XIV + 538 p. Дрио, Э. Восточный вопрос 1918-1937 (Мир на Средиземном море) // Историк-марксист, 1939, № 1. С. 180-184.

«писателем А. Росбери», а его историческое исследование «Конец деятельности Наполеона» (1900 г.) названо «романом».

Тем не менее, указанные недостатки не отменяют того факта, что докторская диссертация А.А. Постниковой выполнена на высоком научном уровне. Все замечания носят либо дискуссионный характер, либо являются пожеланиями, направленными на совершенствование исследования.

По теме диссертационного исследования имеются 38 публикаций, в том числе 17 статей в журналах из перечня ВАК, 3 монографии (2 – в соавторстве). Материалы диссертации прошли апробацию в рамках реализации двух учебных курсов в Уральском государственном педагогическом университете в 2013-2021 гг. Различные разделы диссертации подготовлены в рамках реализации грантов РНФ и РФФИ в 2016-2020 гг. Основные положения исследования были представлены на многочисленных международных, всероссийских и региональных конференциях.

Диссертант представила к защите завершённую, имеющую внутреннее единство, самостоятельную научно-квалификационную работу, в которой решена исследовательская проблема, имеющая значение для истории Франции, Великобритании, Германии, Швейцарии, Польши и России XIX – начала XXI вв. Диссертация содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Предложенные диссертантом решения аргументированы и оценены по сравнению с другими известными решениями.

Диссертационная работа А.А. Постниковой «Русская кампания Наполеона: история "европейского мифа"» соответствует п. 9 Положения о присуждении ученых степеней УрФУ, т.к. является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. В связи с этим,

полагаю, что соискатель Алёна Александровна Постникова заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры новой и новейшей
истории стран Европы и Америки,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»,
119991, Российская Федерация г. Москва,
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
Телефон / факс: +7(499) 245-03-10;
8(926) 355-69-76
E-mail: mail@mpgu.su

А.А. Орлов

24 февраля 2022 г.

Дирекция А.А. Орлова удостоверяю
Вернувшись по УМР дирекции
И.И. Мокшина
24.02.2022